

Прецедентные феномены как репрезентанты поступков

Людмила А. Бушуева^a, @, ID

^a Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород

@ sebeleva@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-9077-252X>

Поступила в редакцию 24.03.2020. Принята к печати 01.06.2020.

Аннотация: Статья посвящена когнитивно-семиотической сущности прецедентных феноменов как маркеров интертекстуальности. Показано, что прецедентные феномены, а именно прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты, благодаря характерной для них символической функции, являются одним из распространенных способов непрямого наименования в дискурсе и могут выступать репрезентантами концептов поступков. Поступок рассматривается как контролируемое действие, совершаемое агентом, получающее внешнюю оценку и ведущее к какому-либо результату. Наблюдение за функционированием прецедентных феноменов в корпусных контекстах русского языка выявило высокий когнитивно-систематизирующий потенциал прецедентных феноменов, служащих ключом к верной интерпретации описываемых поступков. Исследование показало, что поступки могут быть репрезентированы разными видами прецедентных феноменов. Выявлено, что наиболее популярным способом обозначения поступков является использование прецедентных высказываний. Прецедентные высказывания обладают способностью актуализировать широкий спектр поступков в усеченном виде. Сделан вывод, что некоторые прецедентные феномены служат для актуализации определенных поступков, например отрицательно оцениваемых поступков (мошенничество, предательство, обман), при этом некоторые могут обозначать разные поступки, в том числе поступки, противоположные по оценке (геройство / преступление).

Ключевые слова: прецедентное имя, прецедентный текст, прецедентное высказывание, концепт поступка, дискурс

Для цитирования: Бушуева Л. А. Прецедентные феномены как репрезентанты поступков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 802–810. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-802-810>

Введение

Понятие *поступок* является актуальным и значимым для современной русской картины мира. Поступок – «всякое дельное дело или действие человека; подвиг, деяние, исполнение чего-либо»¹; «поступок – действие человека, совершенное им в какой-либо момент и с какой-либо целью (иногда поведение по отношению к кому-либо); решительное, активное действие в сложных обстоятельствах»²; «поступок – может быть отмечен положительно или отрицательно: героический поступок – подвиг, безнравственный поступок – проступок, преступление. Во всех случаях человек выступает как личность, проявляя свою сущность в действиях» [1, с. 70]. В данном исследовании под поступком понимается контролируемое действие, совершаемое агентом, имеющее какие-либо последствия и получающее внешнюю оценку (подробнее о поступке см. [2; 3]).

Значимость поступка для русской культуры подтверждают и многочисленные исследования. М. М. Бахтин говорит о мире человеческого действия, называя его «миром события», «миром поступка»: «вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок»

[4, с. 83]. Д. А. Леонтьев рассматривает поступок как действие над порогом ситуативной необходимости и выделяет, в частности, такую характеристику поступка, как осознанность [5]. С. Ю. Головин отмечает, что для поступка важен нравственный смысл действия, при этом «само действие следует рассматривать как способ осуществления поступка в конкретной ситуации» [6, с. 335]. А. М. Максимов, описывая поступок, использует метафору подъема на гору, взойдя на которую, человек может обозреть прошлый и будущий путь и вступить на новую дорогу, и подчеркивает, что поступок – «это любое действие, которое не вписывается в привычную жизнь и требует от человека, помимо временных, каких-либо еще затрат» [7, с. 133].

Как видно из определений поступка, предложенных разными исследователями, поступок неразрывно связан с действием. На такую связь указывают и словарные определения, в составе которых нередко элементы *действие* и *поступок* помещаются в один ряд. Однако важно разделять эти понятия. На разницу между поступком и действием указывают и типичные сочетаемостные характеристики лексем *поступок* и *единиц*, обозначающих поступки. Ср.: *решиться на +*

¹ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Изд-во Эксмо, 2002. С. 514.

² Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс, 2005. С. 752.

поступок / предательство / подлость / обман; идти на поступок / обман / подлость. Подобные сочетания актуализируют значимость и оцениваемость, осознанность и целенаправленность соответствующих действий: «решиться – обдумав все за и против, преодолев боязнь ошибиться, убедить себя в целесообразности какого-либо действия, поступка»³; «идти на что-либо – соглашаться, решаться на какое-либо рискованное, трудное, неприятное и т. п. действие, проявлять готовность к осуществлению такого действия»⁴.

Справедливым представляется разделение действий человека на действия-операции и действия-поступки. О. Н. Околелова, в частности, определяет действия-операции как действия в их внешнем проявлении безотносительно к их значению; действия-поступки – мотивированные, сознательные, социально значимые действия. Действие, как отмечает О. Н. Околелова, – это лишь носитель поступка, его «внешняя оболочка», в то время как его сущностью является нравственное содержание и смысл [8, с. 119].

Поступки могут обозначаться разными способами: с помощью имен существительных (*предательство, злодеяние, мошенничество, проделка*), глаголов (*предать, обмануть, геройствовать*), словосочетаний (*доброе дело, устроить скандал, решиться на побег*). Ср.: *О подвигах матросов уже знали в Неаполе, и Неаполь встретил русских восторженными рукоплесканиями* (Никонов А. Геройская «слава», памятная и незабываемая // Знание – сила. 2009); *Это бабам изменяют, а машинам – никогда* (Федоров А. Старик и Волги // Автопилот. 2002); *Иногда вдруг решил быть демократичным или милостиво сделать доброе дело, чем удивлял всех* (Давыдов В. Театр моей мечты, 2014).

Поступок может быть представлен описательно или не получать эксплицитного выражения, при этом на него указывают отдельные элементы высказывания, например: *Я уже давно жалею, что пошла с тобой сюда... Я, конечно, готова петь песни безумству храбрых, но именно песни, не более того...* (Баконина М. Школа двойников, 2000). Действие участника ситуации, обозначенное как *пошла с тобой сюда*, безотносительно к его оценке является простым действием, при этом оценочное суждение *я уже давно жалею*, а также упоминание храбрости «переносит» данное действие в сферу поступков. Оценка может и не находить выражения в высказывании, и читателю предоставляется возможность самостоятельно оценивать данное действие и на основании этой оценки определять его в категорию положительных или отрицательных поступков. Например: *Борис Абрамович и соучастники собрали деньги на «народный автомобиль».* *Ни денег, ни автомобиля больше никто не видел* (Путь в олигархи. Скандальные миллиарды // АиФ. 2004). В приведенном контексте собраны нейтральные, не оценочные номинации компонентов данного события. Оценка вынесена за рамки повествования, тем не менее читатель понимает

истинный смысл высказывания: деньги были украдены, и речь идет о мошенничестве.

Поступок – это феномен, имеющий концептуальную природу. Ценностное отношение носителей русского языка к поступку не вызывает сомнения. Разные поступки являются предметами переживания, обсуждения, оценки, имеют культурные и эмоциональные наслоения. Как отмечает Е. С. Кубрякова, концепт может быть представлен в языке и речи прецедентным феноменом, который является одним из «конвенциональных способов объективаций знаний» [9, с. 10].

Прецедентный феномен представляет собой культурозависимый результат эмоционально-образного восприятия уникального феномена [10, с. 225], является «целостной единицей коммуникации, объективизирующейся в речи через апелляцию к прошлому явлению действительности, и обладает ценностной значимостью как для отдельно взятой языковой личности, так и для всего лингвокультурного сообщества в целом» [11, с. 34]. Прецедентные феномены актуальны в когнитивном плане, они функционально открыты для передачи ценностных установок и являются важными элементами концептуальной картины мира [12; 13].

По мнению исследователей, рассматривающих прецедентные феномены с позиций когнитивного подхода, успех функционирования прецедентов в речи зависит от их способности выступать неким эталоном, «меркой» для определенного явления действительности. Подчеркивается, что носители языка могут прибегать к коллективной памяти, находя там определенные тексты, имена, ситуации, схожие с явлениями настоящей действительности и, следовательно, способные их описывать [14, с. 107]. Таким образом, в самом широком смысле прецедентный феномен есть шаблон, который используют носители языка для описания ситуаций действительности [15, с. 48]. Данная идея, с нашей точки зрения, тесным образом связана с понятием стереотипности языкового поведения, тенденции людей не придумывать что-либо новое, но использовать уже готовые обороты и клише.

Цель данного исследования – рассмотреть прецедентные феномены с точки зрения их способности актуализировать концепты поступков.

Методы и материалы. На материале художественных и публицистических текстов Национального корпуса русского языка (НКРЯ)⁵, публицистических текстов поисковой системы Яндекс были рассмотрены особенности функционирования 35 прецедентных феноменов (прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные высказывания), которые репрезентируют поступки. Для анализа отобранного материала применялись контекстуальный и концептуальный анализ.

³ Большой универсальный словарь русского языка / под. ред. В. В. Морковкина. М.: Словари XXI века, 2017. С. 1018.

⁴ Там же. С. 371.

⁵ НКРЯ. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.03.2020).

Прецедентное имя

Одним из способов репрезентации ситуации поступка является апелляция к прецедентному имени. Прецедентное имя, по определению В. В. Красных, – это обладающий фиксированной языковой формой (изначально именем собственным), являющийся коллективным достоянием, обусловленный культурой результат эмоционально-образного восприятия уникального лица-персонажа (исторического – Моцарт, литературного – Обломов), уникальной ситуации, уникального места (Эльдорадо), уникального животного (героя произведения – Винни-Пух, известного из истории – Буцифал) [10, с. 276]. Прецедентное имя используется для характеристики какого-либо живого существа по внешности, возрасту, способностям, роду деятельности, а также действиям или поведению. Например, Робин Гуд, популярный герой средневековых английских баллад, благородный разбойник, который грабил богатых и отдавал добытое бедным, выступает в русской культуре как символ смелости и благородства. В речи прецедентное имя *Робин Гуд* обозначает человека, поступки которого, по сути являющиеся противоправными, направлены на благо тех, кто нуждается в помощи: *Оклемався, Робин Гуд? Борец за права некоренного населения. Нашел, с кем воевать!* (Прошкин Е. Механика вечности, 2001); *Так звали чеченского абрека, прославившегося в XIX веке тем, что он в одиночку вел войну с царскими войсками уже после покорения Чечни, грабил почтовые кареты и раздавал награбленное бедным соплеменникам. Такой чеченский Робин Гуд* (Садулаев Г. Когда проснулись танки, 2010).

Для прецедентных имен особую роль играет культурный фон, структурированный культурными моделями, которые предполагают сведение сложных знаний к ограниченному количеству элементов, значимых в контексте определенной культуры и определенного вида деятельности. Прецедентные имена и прецедентные высказывания служат символом, репрезентирующим некое культурно значимое качество, класс событий или группу людей [16; 17, с. 148]. Под символом в данном случае понимается известный термин, имя или изображение, которые обладают специфическим добавочным значением, большим, чем их непосредственный смысл. Символ представляет собой то, что больше знака, нечто, отличающееся глубиной содержания. Поскольку прецедентные феномены отражают явления культуры, символ связан с культурно значимой информацией и представляет собой способ кодирования значимой для представителей лингвокультурного сообщества информации. Функционирование прецедентных имен иллюстрирует действие процесса распределения внимания и его де- / фокусировки, обнаруживая при этом некоторые национально-культурные особенности оценки и восприятия прецедентных имен [18].

Ядро инварианта восприятия прецедентного имени представляет собой набор дифференциальных признаков, обращение к которым происходит при использовании

прецедентного имени в коммуникации. Для адресата сообщения в этом случае значение прецедентного имени будет понятно без дополнительного комментария, оно становится символом и выражает больше информации, чем непосредственное значение знака [19].

В качестве имен-символов могут выступать следующие прецедентные имена: *Павлик Морозов, Раскольников, Сальери, Каин, Мальчиш-плохиш, Брут, Бедная Лиза, Бонни и Клайд*. В фокусе внимания данных имен оказывается характер поступков персонажа-лица.

Прецедентное имя может выступать в качестве имени-символа в следующих случаях.

1. Прецедентное имя онтологически относится к прецедентному тексту и выступает как символ определенной характеристики или характера поступков. Как отмечает Р. В. Попадинец, носитель языка воспринимает любой объект действительности в разных аспектах, но наше внимание чаще всего останавливается на самых значимых деталях [20]. Например, если кого-то назвали *Раскольниковым*, очевидно, что данного человека охарактеризовали как преступника, убийцу. Это возникает из-за актуализации определенного дифференциального признака. Актуализация данного дифференциального признака видна в следующих контекстах: *По предварительной версии, сантехник приходил к бабушке, но забрать «заветный чемоданчик» так и не удавалось. В очередной визит, уже после Нового года, мужчина разозлился и расправился со старушкой. Схожесть «сюжета» вплела ульяновское преступление в серию убийств приволжского душителя. Однако во время следствия выяснилось, что наш «раскольников» к маньяку не имеет отношения* (Маньяк за 3 миллиона // УлПравда. 22.10.2019); *Башкирия: Раскольников нашего времени получил 19 лет колонии. Вынесен приговор по делу 49-летнего жителя УФБ, обвиняемого в убийстве двух лиц из корыстных побуждений и разбое с причинением тяжкого вреда здоровью, сообщает Следственный комитет РБ* (Уфа-пресс. 05.12.2016); *Раскольников нашего времени: сотрудник банка пытался убить пенсионерку из-за денег* (NovostiUA. 10.05.2016). Прецедентное имя может быть полисемичным, т. е. содержать в себе дифференциальные признаки, связанные с разными характеристиками героя и с ситуацией, в которой он принимал участие. Прецедентное имя *Раскольников* в отдельных контекстах может актуализировать ситуацию, когда совершается преступление, или характеристику персонажа как носителя определенной философии. Ср.: *Кончаловский предостерег от современных раскольниковых, ходящих по улицам. Кончаловский обратил внимание на слова Достоевского из его переписки: «Я хочу показать человека, увлеченного неправильными идеями»* (РИА Новости. 17.11.2016).

2. Прецедентное имя может восходить не к прецедентному тексту, а к определенной прецедентной ситуации, широко известной носителям языка. Прецедентная ситуация – это «являющийся коллективным достоянием, обусловленный культурой результат эмоционально-образного восприятия

уникальной ситуации, имевшей место в истории или вымышленной в процессе творческой деятельности» [10, с. 249]. В этом случае имя-символ связано с характеристикой некой личности или с указанием на определенную ситуацию, например ситуацию поступка. *Павлик Морозов*, с одной стороны, в сознании носителей языка предстает как борец за идею и справедливость, а с другой – происходит апелляция к ситуации предательства. Употребление прецедентного имени вызывает в сознании говорящих апелляцию к дифференциальным признакам, относящимся к инварианту восприятия прецедентного имени. Ср.: *Да ты, Юрча, у нас упорный, как Павлик Морозов* (Есин С. Имитатор, 1985); *Что мне теперь делать – прийти и сказать, что его дела с женщинами, включая мою мать, – это его дела, что я – не Павлик Морозов, для меня не существует абстрактно классовой или абстрактно половой справедливости, а есть конкретный человек, которого я люблю?* (Ткачева А. Приворот, 1996); *Было бы дико, если бы Доктор раскрылся перед мальчишками-студентами. Каждой студенческой группе полагался сексот, свой, так сказать, Павлик Морозов* (Воспоминания о Шкловском, 1996); *Мой отец начал свою карьеру, будучи профессиональным футболистом команды «Динамо», а закончил ее в качестве майора МВД и несостоявшегося подполковника, из-за чего моя любимая женщина в пьяном виде однажды упрекнула меня, что я – сын палача. Говорят, Никита Михалков правильно ответил, когда его спросили про папашу: «Я же не Павлик Морозов»* (Попов Е. Подлинная история «Зеленых музыкантов», 1997).

Имя *Брут*, принадлежащее реальной исторической личности, связано с определенной ситуацией, а именно с убийством Юлия Цезаря, является прецедентным и употребляется в современной русской речи самостоятельно, вне прецедентного высказывания, для характеристики человека, способного на низкий поступок: *Пошатываясь на хлипкой табуретке, лахудра бормотала о том, что она, конечно, знает грех убийства и самоубийства, пусть милая, добрая девочка не думает, что это у нее с панталыку, наоборот, все продумано до мелочей, даже грех человека, который ей поможет, она превратила не в грех, она сходила в церковь и тихонько, чтоб никто не видел, сунула записочку за Христово распятие, <... > так что у нее, у девушки милосердной, не должно быть сомнений в благородности поступка – слегка толкнуть ее вниз головой. Одним словом просьба спихнуть лахудру с балкона казалась Полине вполне уместной. Людям надо помогать. Люди теперь сволочи. Людям теперь чужой – тьфу! А так – она спихнет эту, а при нужном случае и ей окажут поддержку в деле собственного уничтожения. Человек человеку – Брут, мерзавец и враг* (Щербакова Г. Ёкалэмэнэ, 2001).

Имена *Бонни* и *Клайд*, принадлежащие американским грабителям, действующим во времена Великой депрессии, в современной речи служат символом, репрезентирующим ситуацию мошенничества: *«Бонни и Клайд» из Подмоскovie украли более 900 жвачек и сотни шоколадок*

(VES42.ru. 2020). Данные прецедентные имена включают в свой инвариант восприятия определенную прецедентную ситуацию или сами входят в инвариант восприятия прецедентной ситуации.

Прецедентный текст

Другим способом репрезентации поступков является использование прецедентного текста. Прецедентный текст – это являющийся коллективным достоянием, обусловленный культурой результат эмоционально-образного восприятия уникального текста. Инвариантная часть коллективного представления о тексте формирует инвариант восприятия данного текста, что и делает его прецедентным [10, с. 261]. У носителя языка при знакомстве с прецедентным текстом формируются сложный образ этого текста и концепты героев произведения. Ядерными элементами подобных концептов выступают специфические признаки персонажей прецедентного текста. Подобные признаки могут проявляться в дискурсе при употреблении прецедентных имен героев, дающих отсылку к прецедентному тексту.

Употребление прецедентных текстов и прецедентных ситуаций в дискурсе языковой личности возможно благодаря способности последних «свертываться» до меньших по размеру единиц, которыми часто выступают прецедентные имена и прецедентные высказывания. К подобным единицам относится прецедентное имя *Бедная Лиза*. *Бедная Лиза* – героиня сентиментальной повести Н. М. Карамзина с одноименным названием. Героиня повести вступает во внебрачную связь с дворянином Эрастом и, узнав впоследствии о его женитьбе на богатой вдове, бросается в пруд и погибает. У прецедентного имени *Бедная Лиза* имеются локальные семантики (термин Ю. М. Лотмана), которые связаны с характеристикой эмоционального состояния персонажа и с разными поступками: 1) несчастная девушка; 2) обман любимого человека – и тогда имя *Бедная Лиза* актуализирует объект поступка; 3) сознательное лишение себя жизни – в таком случае имя *Бедная Лиза* репрезентирует агента поступка *самоубийство*.

Инвариантные элементы произведения, связанные с совершением поступка и разворачивающиеся в ходе развития действия, в корпусных примерах представлены как взаимосвязанные элементы – чей-либо поступок / поведение побуждает другого человека (всегда женского пола) совершить самоубийство. Элемент «обман любимого человека», как показывают контексты, может варьироваться, элемент «сознательное лишение себя жизни» остается неизменным: *Хорошо бы сказать отцу, чтобы он сумочку ее у Гансовского забрал. Так и сказать: хотел меня трахнуть, но я убежала. <... > – Бедная Лиза! – сказала она вслух, заглянув в последний раз в язускую воду. – Топиться не будем* (Улицкая Л. Казус Кукоцкого, 2000); *Ты пойми, – говорит рассудительно Пуцин, – если из-за каждой шутки Яковлева топиться, так в пруду не хватит места. Ты же не Бедная Лиза* (Тынянов Ю. Кюхля, 1925).

К прецедентным текстам, посредством которых может актуализироваться поступок, относятся *Преступление и наказание*, *Герой нашего времени*. Через отсылку к произведению «Преступление и наказание», как правило, актуализируются поступки-преступления. Прецедентный феномен *Герой нашего времени* характеризуется сложным, комплексным инвариантом восприятия. Название произведения М. Ю. Лермонтова используется в современной речи в качестве речевой формулы для 1) актуализации собирательного образа, воплотившего черты всего поколения; 2) для актуализации агентов положительнооценочных поступков. Ср.: *Классическое лицо современной молодежи – футбольный фанат. Вот герой нашего времени* (Мельников С., Портнягина М. *Единообразие* // Огонек. 2014); *Новицкий – крупный бизнесмен, младший брат бывшего министра сельского хозяйства Елены Скрынник, колоритный герой нашего времени, для которого автогонки не менее важный, чем предпринимательство, путь самореализации* (Владимирова А. *Пять заповедей настоящего гонщика* // Русский репортер. 2013); *Он героически прикрыл собою группу своих боевых товарищей. Дмитрий Разумовский – это олицетворение героев нашего времени* (15 лет Беслану // 73online.ru. 03.09.2019); *Проезжающий мимо водитель в Уфе спас семью из горящей машины. Скромный герой не хотел огласки, но очевидцы аварии все же сфотографировали его и выложили в социальных сетях снимок, подписав, как «Герои нашего времени»* (КП-Уфа. 03.09.2019).

Прецедентные тексты – это вербализуемые феномены, т. е. феномены, которые поддаются вербализации в процессе коммуникации [19, р. 85; 21]. Прецедентный текст хранится в сознании индивида «не от первого до последнего слова, а в виде концепта, в той или иной степени сжатого представления о тексте, включающего его название, автора, сюжет, персонажей, основные коллизии, иногда наиболее яркие детали, крылатые слова и отношение ко всему перечисленному» [22, с. 45]. Обращение к прецедентному тексту может возобновляться посредством связанных с ним прецедентных высказываний, прецедентных имен, а также атрибутов и характеристик: цитат, заглавий, имен героев – всего того, с помощью чего произойдет актуализация у реципиента определенного прецедентного текста или прецедентной ситуации [20].

Использование заголовка художественного произведения является одним из наиболее популярных способов апелляции к прецедентному тексту. Заголовки нередко содержат в сжатом виде главную сюжетную линию произведения или дают намек на нее. Употребление заглавия *Преступление и наказание* в качестве прецедентного феномена возвращает основное содержание прецедентного текста в дискурсе носителя языка и является средством репрезентации поступка *преступление* и результата поступка *наказание*. Название данного романа, как правило, используется в заглавии современных публицистических текстов:

Преступление и наказание. В Москве завели уголовные дела о беспорядках. Столица до сих пор разбирается с последствиями протестных выступлений, прошедших неделю назад на Тверской улице. Тогда на несанкционированном митинге протестующие вступили в открытое противостояние с сотрудниками полиции (АиФ. 2019); *Преступление и наказание*. В Днепре поймали вора и расправились с ним посреди улицы. В одном из магазинов вор залез к покупателю в карман (Dnipro.znaj.ua.ru. 03.09.2019); *Преступление и наказание*: в Рассказовском районе с луга крали лошадей. В отношении жителя Рассказовского района следственным подразделением МОМВД России «Рассказовский» возбуждено уголовное дело по статье 158 УК РФ «Кража» (Тамбовская жизнь. 02.09.2019).

Название фильма «Побег из Шоушенка» используется в современной речи для репрезентации поступка побег. Ср.: *С нехорошим подозрением девушку госпитализировали в Боткинскую больницу, взяли новые анализы и закрыли на карантин. Взаперти невольница долго сидеть не стала – 11 февраля замкнула провода в электронном замке и сбежала. После этого в социальных сетях Ильиной появились записи, в которых она рассказывала о трудностях коммуникации с медиками и удачном бегстве. <... > При этом, как пояснила петербурженка журналистам в суде, день «икс» прошел у нее перед глазами «как в тумане», поэтому свои острые впечатления от «побега из Шоушенка» она описать прессе не смогла (В лучах славы и дезинфекции // Форпост Северо-Запад. 17.02.2020); *Побег из Шоушенка на новый лад: современные коммуникации помогли американцу сбежать из тюрьмы. Побег из тюрьмы округа Харалсон (штат Джорджия, США) совершил 34-летний заключенный Грегори Кит Уайетт, используя весьма оригинальный способ* (Ракурс. 14.02.2020).*

Прецедентное высказывание

Наиболее популярным способом актуализации ситуации поступка с помощью прецедентного феномена является употребление прецедентного высказывания. Прецедентное высказывание онтологически всегда восходит к прецедентному тексту или к прецедентной ситуации, что играет важную роль в формировании истинного смысла высказывания. Эти феномены хранятся в сознании в виде вербальных инвариантов восприятия и имеют четко фиксированную форму.

В ходе анализа были выявлены следующие прецедентные феномены, которые употребляются в современном дискурсе как репрезентанты поступков категорий положительно оцениваемых поступков и отрицательно оцениваемых поступков (подробнее о категориях поступков см. в [23; 24]): *Безумству храбрых поем мы песню* (М. Горький), *Где это видано, где это слыхано* (В. Драгунский), *Но как не порадовать родному человечку* (А. Грибоедов), *А вору дай хоть миллион, он воровать не перестанет* (И. Крылов), *О долбестях, о подвигах, о славе* (А. Блок), *Великие комбинаторы* (И. Ильф, Е. Петров), *В семье не без урода* (И. Крылов), *Коня*

на скаку остановит, в горящую избу войдет (Н. Некрасов),
 Не без добрых душ на свете (Н. Некрасов), Поступок ростом
 с шар земной (Б. Пастернак), И ты, Брут? (Ю. Цезарь).

С точки зрения функционирования данных прецедентных высказываний в системном и функциональном аспектах (подробнее об этом см. [19, р. 95]) выделяются:

1) прецедентные высказывания, имеющие только поверхностное значение. В таких высказываниях функциональный смысл может быть понятным без знания прецедентного феномена, к которому онтологически восходит высказывание, т. к. системный смысл присутствует в нем имплицитно. К таким высказываниям можно отнести следующие: *Безумству храбрых поем мы песню; О доблестях, о подвигах, о славе; Но как не порадеть родному человечку; А вору дай хоть миллион, он воровать не перестанет; Поступок ростом с шар земной* и др. *Поступок ростом с шар земной* – строка из стихотворения Б. Пастернака «О Сталине». Данное высказывание используется в современном дискурсе как для актуализации поступков, получивших широкую огласку, как положительных, так и отрицательных. Например, в следующем контексте прецедентное высказывание используется применительно к мошенническим поступкам: *Живет не человек – деянье, Поступок ростом с шар земной... Он то, что снилось самым смелым, Но до него никто не смел. Действительно, кто до него посмел бы так дерзко и так блистательно пройти путь от 100 миллионной мародерской аферы с цветными металлами в голодающем Питере зимой 1992 года до 13,7? Миллиардной сделки с Абрамовичем в сытой Москве летом 2015? А такие деяния и поступки ростом с шар земной, как Gupvor, «Байкалфинансгруп», «Газпром», из которого были выведены активы общей стоимостью более 60 миллиардов долларов в частные компании, контролируемые родственниками и соратниками по бригаде «Озеро»? (Пионтовский А. Между Западом и Китаем // Обозреватель. 2015);*

2) прецедентные высказывания, имеющие глубинное и поверхностное значения. В данную группу можно отнести прецедентные высказывания, понимание полного функционального смысла которых возможно только при соотношении коммуникативной ситуации с исходным прецедентным текстом или ситуацией. В данном случае прецедентное высказывание выступает как символ прецедентного текста или прецедентной ситуации. Например, полный функциональный смысл в случае употребления прецедентного высказывания *И ты, Брут?* понятен только при соотношении с прецедентной ситуацией. Фраза *И ты, Брут?* (*Et tu, Brut?*), по легенде принадлежавшая Юлию Цезарю, была перед смертью обращена к Бруту. Современные носители русского языка могут употреблять эту фразу в случаях, когда говорящий считает, что его предал тот, кому он прежде доверял: *Растерявшийся было лейтенант вспомнил, чему его учили в школе милиции, и нанес Серпухину короткий удар под дых, от чего тот согнулся пополам и мешком повалился на асфальт, но в последний момент*

все-таки успел оторвать от кителя стража порядка рукав. – И ты, Брут! – простонал сквозь зубы Мокей, держась за грудь и живот (Дежнев Н. Принцип неопределенности, 2009). Контекстуальные примеры с данной единицей также показывают, что фраза *И ты, Брут!* в первую очередь выражает удивление, недоумение объекта поступка не в связи с совершенным поступком, а с тем, кто его совершил. Ср.: *Тогда Юра взял гитару и спел «Твои глаза подобны морю». Присутствующие прореагировали на исполнение, на стихи, на музыку, а один мой приятель, который действительно проявлял ко мне нетоварищеский интерес, спросил певца в упор: – И ты, Брут?» (Шергова Г. Об известных всем, 2002–2004); Крутятся они сейчас вокруг меня, как шмели. Так вот одна уже предложила: годовалый «Мерс» по себестоимости. <... > А по предложенным условиям они, между прочим, банку так и так выгодней остальных. <... > Прежде бы послал. А сейчас не знаю, Понимаешь, расплылась эта грань. Может в самом деле, пусть возьмет? Хоть заработает чуток. Парень давно о поддержанной иномарке мечтает. Коломнин сокрушенно мотнул головой: «И ты, Брут!» (Данилюк С. Бизнес-класс, 2003) – в основе данного произведения история о менеджере московского банка, который, видя, как другие сотрудники банка реализовывают аферы и мошеннические операции с целью собственной наживы, думает, не последовать ли ему их примеру.*

Выделяются случаи «деформации исходного выражения» (диссимметрии) [25, с. 89–90]. Для прецедентных высказываний случаями диссимметрии являются трансформации, связанные с заменой одного из компонентов: вариативный компонент в прецедентном высказывании позволяет использовать высказывание для характеристики различных явлений; инвариантный компонент позволяет сохранить связь с источником прецедентного высказывания. Например, в заголовке публикации газеты «КП-Молдова» «*Не виноватая я – он сам дал*» глагол *дал* заменяет глагол *пришел* (*Не виноватая я – он сам пришел* – оригинальная фраза из фильма «Бриллиантовая рука») и актуализирует поступок *брать взятку* и его результат, который раскрывается далее в тексте статьи: *В Молдове взяточники всегда могут «отмазаться», сказав, что их спровоцировали. На днях стало известно, что двух судей, которых в 2013 и 2014 году обвинили в коррупции, отпустили (КП-Молдова. 01.09.2019).*

Примеры функционирования данного прецедентного высказывания в дискурсе различных жанров позволяют отметить его высокую продуктивность и способность актуализировать широкий спектр отрицательно оценочных поступков, при этом рассматриваемое высказывание может использоваться и в усеченном виде. Ср.: *Спустя год (все это время длилось следствие) процессу все-таки оправдали – она утверждала «Не виноватая я!», мол, мошенничеством занимался супруг, а она ничего не знала (Телепрограмма. 01.08.2019); Не виноватая я! За бурную ночь девушка подарила себе кошелек*

кавалера (КП-Красноярск. 30.06.2019); *В Арзамасе пьяный полицейский сбил насмерть пенсионерку*. «**Не виноватая я!**» Андрей Красильников признал свою вину, но лишь частично (Ленинская смена. 2019); *Не виноватая я! Девушка ответит за то, что не подумав воспользовалась чужими деньгами* (Копейский рабочий. 10.02.2020).

Заключение

Проведенное исследование показало, что поступки могут быть репрезентированы разными видами прецедентных феноменов, при этом наиболее популярным способом является актуализация поступков посредством прецедентных высказываний. Через прецедентные феномены выражение получают положительно и отрицательно оцениваемые поступки. Наиболее разнообразно с помощью прецедентных феноменов выражаются отрицательно оцениваемые поступки, а именно преступления (убийство, мошенничество, воровство и др.).

Некоторые прецедентные феномены можно назвать репрезентантами определенных поступков. К таким прецедентным феноменам относятся, например, прецедентные тексты *Преступление и наказание* (всегда репрезентирует какое-либо преступление) и *Побег из Шоушенка* (репрезентант поступка побег), прецедентные высказывания *И ты, Брут!* (всегда актуализирует предательство), *Великие комбинаторы* (используется для обозначения аферы / мошенничества). Некоторые прецедентные феномены могут употребляться в речи для репрезентации разных поступков, в том числе поступков с противоположными оценочными знаками:

прецедентное высказывание *Страна должна знать своих героев* – репрезентант героического поступка и преступного деяния. Ср.: **Страна должна знать своих героев**. Воскобойников Валерий Михайлович, член союза писателей, партийный, заведующий отделом прозы журнала «Костер», стукач и провокатор (Соловьев В. Три еврея, или утешение в слезах. Роман с эпиграфами, 1975–1998); *Ольга Боярчук решила самостоятельно навести порядок на своей улице. Ребята были счастливы, что сделали доброе дело, рассказывали о том, как плохо мусорить, своим знакомым.* <... > **Страна должна знать своих героев!** Ольгу вместе с сыновьями пригласили в офис регионального оператора, где наградили (ВашГород. 31.08.2019).

Прецедентные феномены, способные репрезентировать поступки, обладают закрепленными за ними в национальном сознании общеоценочным и частнооценочным когнитивными признаками. Положительная этическая оценка (в соответствии с классификацией оценок Н. Д. Арутюновой) реализована в таких прецедентных феноменах, как *Робин Гуд; Герой нашего времени; Не без добрых душ на свете; Безумству храбрых поем мы песню; Страна должна знать своих героев*. Отрицательная этическая оценка – в прецедентных феноменах *Павлик Морозов; Мальчиш-плохиш; Раскольников; Сальери; Каин; Брут; Троянский конь; Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так; В семье не без урода; Великий комбинатор; Тебя посядут, а ты не воруй; Страна должна знать своих героев; Собаке – собачья смерть*.

Литература

1. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 2. 592 с.
2. Бушуева Л. А. Фрейм поступка: инвариантная модель и варианты ее реализации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 173–178. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-173-178
3. Бушуева Л. А. Имена поступков и связанные с ними оценки в русском и английском языке // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2006. № 2. Вып. 2. С. 143–147.
4. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
5. Леонтьев Д. А. К психологии поступка // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2006. № 2. С. 153–158.
6. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. Мн.: Харвест, 1998. 551 с.
7. Максимов А. М. Универсальный многослов. Книга для тех, кому интересно жить осмысленно. М.: Центрполиграф, 2016. 448 с.
8. Околенова О. Н. Экстралингвистические составляющие концепта «поступок» (на примере английского и русского языков) // Альманах современной науки и образования. 2010. № 2-2. С. 119–121.
9. Кубрякова Е. С. Слово в дискурсе (новые подходы к его анализу) // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования / под ред. Л. А. Манерко. Рязань: Изд-во Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина, 2002. С. 7–11.
10. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры: основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 493 с.
11. Золотарев М. В. К вопросу о прецедентности и вторичной концептуализации знаний // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты: сб. тезисов по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти С. Г. Стерлигова. (Нижний Новгород, 26–27 апреля 2019 г.) Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского. 2019. С. 33–34.
12. Лебедев М. В. Стабильность языкового значения. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 167 с.

13. Блохина Е. Н. О лингвокультурологическом подходе к изучению прецедентных текстов как феноменов региональной культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-1. С. 26–28.
14. Захаренко И. В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. 1997. Вып. 1. С. 104–113.
15. Кремнева А. В. Прецедентное имя как синкретный семиотический знак и его культурная обусловленность // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 46–53. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-4-46-53
16. Голубкова Е. Е. Прецедентные имена как репрезентанты событий // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук / отв. ред. В. И. Заботкина. М.: ИД ЯСК, 2017. С. 252–279.
17. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Яз. славянской культуры, 2014. 319 с.
18. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. 1997. Вып. 1. С. 82–103.
19. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Massachusetts; London: The MIT Press, 2000. 504 p.
20. Попадинец Р. В. Прецедентное имя в сознании носителя русского языка: опыт психолингвистического исследования. Курск: Курск. гос. тех. ун-т, 2010. 126 с.
21. Болдырев Н. Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5–14. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-2-5-14
22. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
23. Бушуева Л. А. Категории поступков и их лингвокогнитивное моделирование. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2019. 306 с.
24. Бушуева Л. А. Категоризация поступков (на материале поступков категории «проделка») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2018. № 1. С. 155–159.
25. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. 3-е изд., испр. М.: URSS, 2009. 286 с.

original article

Precedent Phenomena as Names of Acts

Lyudmila A. Bushuyeva ^{a, @, ID}

^a Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia, Nizhny Novgorod

@ sebeleva@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-9077-252X>

Received 24.03.2020. Accepted 01.06.2020.

Abstract: The article focuses on the cognitive-semiotic nature of precedent phenomena as a marker of intertextuality. The symbolic function of precedent statements, texts, and names allows them to act as indirect naming and represent concepts of acts. An act is always voluntary; it is committed by an actant, receives external evaluation, and leads to a certain result. The precedent phenomena that facilitate interpretation of the acts they describe appeared to have a high cognitive potential in the Russian speech. Different kinds of phenomena represent different acts, precedent statements being the most popular type. They can represent all kind of acts, even in their concise form. Some precedent phenomena name only particular acts, e.g. betrayal, dishonesty, and other negatively evaluated acts, while others can mark a wide range of acts, even those with opposite values, e.g. heroism vs. crime.

Keywords: precedent name, precedent text, precedent statement, the concept of an act, discourse

For citation: Bushuyeva L. A. Precedent Phenomena as Names of Acts. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 802–810. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-802-810>

References

1. Kolesov V. V., Kolesova D. V., Kharitonov A. A. *The Dictionary of Russian Mentality*. St. Petersburg: Zlatoust, 2014, vol. 2, 592. (In Russ.)
2. Bushuyeva L. A. The act frame: the invariable model and variants of its actualization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (2): 173–178. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-173-178
3. Bushuyeva L. A. The names of acts and values connected with them in Russian and English languages. *Vestnik Saratov state technical university*, 2006, (2-2): 143–147. (In Russ.)
4. Bakhtin M. M. Toward a philosophy of the act. *Philosophy and Sociology of Science and Technology. Yearbook 1984–1985*. Moscow: Nauka, 1986, 80–160. (In Russ.)
5. Leontiev D. A. An introduction to the psychology of action. *Ekzestentsialnaia traditsiia: filosofii, psikhologii, psikhoterapiia*, 2009, (2): 153–158. (In Russ.)
6. Golovin S. Yu. *Psychologist's dictionary*. Minsk: Kharvest, 1998, 551. (In Russ.)
7. Maksimov A. M. *Many-sided essayist. The book for those who want to live a meaningful life*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2016, 448. (In Russ.)
8. Okolelova O. N. Extralinguistic elements of the concept "act" (the case of Russian and English). *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2010, (2-2): 119–121. (In Russ.)
9. Kubryakova E. S. The word in discourse (new approaches to the analysis). *Text and discourse: traditional and cognitive-functional aspects of the analysis*, ed. Manerko L. A. Ryazan: Izd-vo Riaz. gos. ped. un-t im. S. A. Esenina, 2002, 7–11. (In Russ.)
10. Krasnykh V. V. The glossary and grammar of linguaculture: the basics of cultural psycholinguistics. Moscow: Gnozis, 2016, 493. (In Russ.)
11. Zolotarev M. V. To the question of precedence and the secondary conceptualization of the knowledge. *Languages and cultures: functional-communicative and lingua-pragmatic aspects*, Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., dedicated in memory of Sterligov S. G., Nizhny Novgorod, April 26–27, 2019. Nizhny Novgorod: NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2019, 33–34. (In Russ.)
12. Lebedev M. V. *Consistency of the meaning*. Moscow: Editorial URSS, 1998, 167. (In Russ.)
13. Blokhina E. N. On the linguoculturological approach to the study of precedent texts as phenomena of regional culture. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, (11-1): 26–28. (In Russ.)
14. Zakharenko I. V. On the matter of canon and standard in the sphere of precedent phenomena. *Language – Mind – communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I. Moscow: Filologiya, 1997, iss. 1, 104–113. (In Russ.)
15. Kremneva A. V. The precedent name as a syncretic semiotic sign and its culture-related character. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2019, (4): 46–53. (In Russ.) DOI: 10.20916/1812-3228-2019-4-46-53
16. Golubkova E. E. Precedent names as the names of events. *Representation of events: integrative approach from the perspective of cognitive studies*, ed. Zabolotkina V. I. Moscow: ID IaSK, 2017, 252–279. (In Russ.)
17. Iriskhanova O. K. *Focus games in language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing*. Moscow: Iaz. slavianskoi kultury, 2014, 319. (In Russ.)
18. Zakharenko I. V., Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Bagaeva D. V. The precedent name and precedent statement as symbols of precedent phenomena. *Language – Mind – communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I. Moscow: Filologiya, 1997, iss. 1, 82–103. (In Russ.)
19. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Massachusetts; London: The MIT Press, 2000, 504.
20. Popadinets R. V. *The precedent name in the conscious of the Russian language speaker: experience in psycholinguistic research*. Kursk: Kursk. gos. tekhn. un-t, 2010, 126. (In Russ.)
21. Boldyrev N. N. Problems of verbal communication in cognitive perspective. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2017, (2): 5–14. (In Russ.) DOI: 10.20916/1812-3228-2017-2-5-14
22. Slyshkin G. G., Efremova M. A. *Film text (linguistic and cultural analysis experience)*. Moscow: Vodolei Publishers, 2004, 153. (In Russ.)
23. Bushuyeva L. A. *The categories of acts and their linguacognitive modeling*. Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2019, 306. (In Russ.)
24. Bushuyeva L. A. Categorization of acts (a case study of the acts of the category "prank"). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im N. I. Lobachevskogo*, 2018, (1): 155–159. (In Russ.)
25. Borbotko V. G. *The principles of discourse building: From psycholinguistics toward linguasynergetics*, 3rd ed. Moscow: URSS, 2009, 286. (In Russ.)